
СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

ББК 60.561.51:60.542.22

И. С. Клецина

ОТЦОВСТВО В АНАЛИТИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ МАСКУЛИННОСТИ

Происходящие в российском обществе изменения не только затрагивают разные сферы общественной жизни (общественно-политическую, социально-экономическую, научно-образовательную), но также активно влияют на сферу приватной жизни людей, в частности на супружеские и детско-родительские отношения. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема изучения социальных и социально-психологических аспектов отношений в семье, вызванная ломкой традиционного гендерного порядка, основным следствием которого является сближение мужских и женских ролей и статусных позиций в обществе и в семье.

Наиболее заметные изменения происходят в сфере трудовой деятельности и производственных отношений, так как большинство семейных женщин совмещает профессиональную занятость и семейные обязанности, что освобождает их от традиционной привязанности исключительно к дому, семье и детям. Женщины все активнее осваивают те сферы профессиональной деятельности, где многие десятилетия производственные роли исполняли исключительно мужчины: военные структуры, сферы среднего и крупного бизнеса, высшего менеджмента и др. Не только профессиональные роли, но и статусные позиции женщин в общественной жизни постепенно приближаются к мужским. Уровень образования женщин, который не ниже, чем у мужчин, позволяет им продвигаться по карьерной лестнице и занимать руководящие должности. Мужчины утрачивают безраздельную монополию на высокостатусные позиции в сферах образования, государственного управления, бизнеса и даже в политике. Увеличение представительства женщин во властных структурах — заметная тенденция нашего времени [12].

Сходные тенденции отмечаются и в сфере брачно-семейных отношений. Все большее число мужчин наравне с женщинами занимаются домашним хозяйством и ориентированы на справедливый вариант распределения домашних обязанностей. Интенсификация работы многих матерей вне дома в условиях либеральной экономики неизбежно повлекла необходимость более активного участия молодых отцов в уходе за маленькими детьми и общения с ними [6, с. 5].

Общая тенденция повышения ценности личности проявляется в активизации процесса индивидуализации, который ведет к росту автономии индивидуального поведения относительно сложившихся норм мужского и женского

поведения. Новые (или «обновленные») мужчины и женщины демонстрируют новые типы и модели отношений друг с другом, в соответствии с которыми принцип доминирования и главенства в супружеских отношениях сменяется ориентациями на партнерство и паритет. По мнению И. С. Кона, «...ломка традиционного гендерного порядка закономерна и необратима. Ее причиной является не феминизм, а новые технологии, которые делают природные половые различия менее значимыми, чем раньше» [12, с. 38].

Несомненно, изменения в ролевом поведении мужчин и женщин связаны с изменяющимися нормативными эталонами маскулинности и фемининности, которые становятся менее жесткими и однозначными.

При рассмотрении вопроса о ролевом поведении мужчин и женщин в научной литературе основное внимание, как правило, уделяется проблемам женщин, особенно если речь идет о сложности согласования материнской и профессиональной ролей, семейной и профессиональной самореализации [7, 23]. Однако проблемы мужчин в роли родителей являются не менее значимыми и актуальными. Проблематика отцовства в контексте трансформационных процессов в сфере гендерных отношений является в нашей стране наименее изученной составляющей семейного взаимодействия; можно отметить лишь несколько работ отечественных авторов, посвященных изучению феномена отцовства с использованием гендерного анализа [6, 8, 12, 14].

Цель данной статьи заключается в рассмотрении феномена отцовства в контексте традиционных и новых подходов к пониманию маскулинности как нормативного эталона.

Отцовство (*fatherhood*) понимается как социальный институт, система прав, обязанностей, социальных ожиданий и требований, предъявляемых к мужчине как родителю и коренящихся в нормативной системе культуры и в структуре семьи. Другое значение термина «отцовство» (*fathering*) — это реальные практики, то есть деятельность, связанная с выращиванием и воспитанием детей [14, с. 305]. Отцовская идентификация — это процесс осознания себя в качестве родителя и принятие (или отрицание) имеющихся культурных норм поведения отца (принятие роли) [6, с. 106]. Феномен отцовства, так же как и материнства, может быть рассмотрен с двух точек зрения [3, 6, 14]: как *обеспечение условий развития ребенка* и как *часть личностной сферы мужчины*. Оба эти подхода взаимосвязаны. Они рассматривают один и тот же феномен с точки зрения двух его функций. Если отцовство рассматривается с первой точки зрения, то акцентируется влияние отца на развитие ребенка. Изучение отцовства с этой позиции включает анализ личностных вкладов отцов в развитие ребенка (детей). Рассмотрение отцовства со второй точки зрения позволяет выделить еще одну функцию отцовства — функцию самореализации мужчины. Родительство для мужчины такая же значимая сфера реализации себя, как и для женщины.

Проблематика отцовства относится к междисциплинарной сфере знания; представители разных дисциплин, используя понятийный аппарат своей науки и доминирующие в ней теоретические подходы, в данной теме исследуют частные вопросы. Так, к примеру, педагогов в большей мере интересуют воспитательные (чаще дисциплинирующие) практики отцов; психологи в большей

мере озабочены вопросом последствий в личностном развитии ребенка, воспитывающегося без отца; демографы рассматривают проблему ранней смертности мужчин и т. д.

С развитием гендерных исследований феномен отцовства стал изучаться комплексно и обобщенно. Использование социально-конструкционистской парадигмы в качестве базовой методологии гендерных исследований позволяет, прежде всего, говорить о 1) социокультурной обусловленности отцовства, 2) его зависимости от общественных условий, 3) динамичности отцовства в историческом контексте, 4) влиянии идеологии маскулинности на психологическое самочувствие мужчины в роли отца [6, 8, 14].

В целях научного анализа категория отцовства может быть исследована в контексте более общего концепта «маскулинность». Смысловое содержание и практическое наполнение отцовской роли обусловлено той конкретной моделью маскулинности, которая принята мужчиной как субъектом отцовской роли. **Маскулинность** — понятие, обозначающее социально сконструированные ожидания, касающиеся поведения, представлений, переживаний, стиля социального взаимодействия, соответствующих мужчинам, представленные в определенной культуре и субкультуре в определенное время [1, с. 8].

Исторически это понятие основывалось на представлениях о мужчинах и женщинах как естественно различающихся группах. Как и другие гендерные категории, маскулинность не имеет однозначного определения. В современном понимании маскулинность — социально конструируемый, исторически и культурно специфичный феномен. Маскулинность конструируется как социальными структурами и институциональными практиками, так и индивидуальными действиями.

Рассмотрим основные теоретические подходы к пониманию маскулинности и место отцовских ролей в этих концептуальных построениях.

Отцовские роли в теоретических подходах к пониманию маскулинности

Биолого-эволюционный подход. Основная мысль представителей данного подхода заключается в следующем: социальное поведение мужчин является результатом их природных биологических наклонностей, выработанных в результате эволюционного процесса [22, с. 154]. Биолого-эволюционный подход опирается на принцип естественного отбора эволюционной биологии и на принцип поведения, обусловленного поведенческими механизмами или инстинктами. Эти механизмы имели значение для выживания и закрепились в структурах головного мозга представителей популяции, которые выжили благодаря им [21, с. 332]. Биологические объяснения различий между полами подпитывались идеями эволюционных теорий. В середине XX века эволюционные теории являлись основанием *социобиологических* позиций.

Биологический детерминизм продолжает формировать социальные представления об «истинной природе» мужчин и маскулинности и в XXI веке. Логика рассуждения с точки зрения социобиологического подхода состоит в формировании в процессе эволюции явления *полового диморфизма*, то есть двух различающихся категорий людей, одной из которых оказались свойственны физическая агрессия, соревновательность, эмоциональная независимость и инструменталь-

ный подход к решению проблем, а другой — пассивность, склонность к сотрудничеству, заботе, эмоциональная зависимость. Биологические особи мужского пола соответствуют первой категории, а женского пола — второй.

Хотя, как отмечалось выше, многие полагают, что психологические и социальные различия между мужчинами и женщинами обусловлены биологическими факторами, строгие научные доказательства этой связи отсутствуют. Скорее наоборот: исследования предоставляют большое количество не подтверждающих ее результатов [19].

По законам эволюционной биологии мужской родительский вклад значительно меньше женского. Традиционный нормативный канон отцовства подразумевал не столько физический уход и заботу о детях, сколько реализацию властных полномочий в семье и социуме. Социальное расстояние между отцом и детьми нередко поддерживалось с помощью специальных ритуалов, правил избегания, передачи детей на воспитание в чужие семьи и т. д. Содержание и соотношение социально-педагогических функций отца — персонификация власти, кормилец, дисциплинатор, пример для подражания и непосредственный наставник сыновей в общественно-трудовой деятельности [14]. В семьях с традиционной моделью организации отношений дети дошкольного возраста обычно находятся на попечении матери. С семилетнего возраста детей начинает проявляться специфика в родительском влиянии в зависимости от пола ребенка: матери занимаются воспитанием девочек, подготавливая их к ролям матери и жены, а отцы уделяют основное внимание развитию мальчиков, прививая им полезные для жизни навыки, формируя трудовые умения и передавая опыт в конкретной сфере профессиональной деятельности.

Психоаналитический подход (классический психоанализ). Психоаналитическая теория З. Фрейда утверждает, что индивидуальные различия, ассоциируемые с маскулинностью и фемининностью, являются результатом сложного процесса решения бессознательного конфликта, характерного для раннего возраста. Зрелая личность с этой точки зрения представляет собой результат эмоционального развития в детстве. Особенности переживания в детстве психоаналитических комплексов (комплекса Эдипа и комплекса Электры) являются основанием для толкования содержания маскулинности и фемининности во взрослом возрасте.

Подобно биоэволюционной теории, психоанализ является эссенциалистским и универсалистским в том смысле, что он постулирует универсальные мужские свойства, а также механизмы и стадии формирования мужского характера. Однако в соответствии с психоаналитической точкой зрения черты мужского характера не заданы биологически, а формируются в процессе взаимодействия ребенка с родителями. Эти психодинамические процессы способствуют развитию такой маскулинной идентичности, которая является эмоционально независимой, склонной к соревнованию, вынужденной контролировать других в социальных отношениях, включая близкие отношения с женщинами.

В соответствии с тенденцией формирования мужской идентичности как противоположности женской идентичности мужчина в ситуации обретения новой для него роли отца также действует по аналогичному принципу: содержательная составляющая отцовской роли выстраивается как противоположность

материнской роли. Если мать основное время находится рядом с ребенком, то отец должен дистанцироваться от него; если мать проявляет эмоциональность и теплоту, то мужчина должен быть сдержанным в чувствах; если мать в первую очередь заботится об удовлетворении физиологических потребностей ребенка, то отец определяет свою задачу как заботу о развитии интеллектуально-го и физического потенциала ребенка по мере его взросления.

Отцовская позиция и его ролевое поведение выступают как противоположные материнскому поведению.

Теории социализации. Маскулинность как гендерная роль. На протяжении XX века в социальных науках наиболее общепринятой концепцией для понимания специфики «мужского» была *теория половых ролей и социализации*. Концепт «половые роли» был разработан в середине XX века Т. Парсонсом. С точки зрения концепции гендерной социализации, существуют значительные различия между мужчинами и женщинами как социальными субъектами. Эти различия преимущественно являются результатом процесса социализации, который формирует женщин и мужчин для различных, но взаимодополняющих ролей. Т. Парсонс утверждает, что структурная дифференциация является требованием общества и разделение труда внутри семьи между «инструментальным» мужчиной и «экспрессивной» женщиной необходимо для адекватной социализации молодого поколения. Теории социализации предполагают, что ребенок обучается поведению и чертам, соответствующим девочке или мальчику, в семье, среди сверстников, в школе и других социальных институтах и в результате усваивает гендерно-специфические, «подходящие» его полу психологические характеристики и модели поведения. Мальчики усваивают модель инструментальной нормативной маскулинности, включающей ориентацию на освоение внесемейных ролей.

Дети наблюдают родительские модели поведения преимущественно в семье, поэтому, став отцами и матерями, мужчины и женщины часто повторяют стили поведения своих родителей. Если мужчина вырос и сформировался в семье с традиционной моделью поведения отца, то и в своей семье он в значительной мере будет следовать этой модели.

Гендерный подход как современная теория маскулинности и отцовства

В гендерных исследованиях проблематика отцовства стала изучаться позже, чем тема материнства. Роль отца стала широко обсуждаться и анализироваться в научной литературе лишь со второй половины 70-х годов XX столетия. Во многом это была реакция на успех женского движения «второй волны» и критику традиционных представлений о распределении родительских ролей. Отцовство стало рассматриваться не только как социальная функция, необходимая для правильного воспитания прежде всего сыновей, но и как важный элемент мужской идентичности [22].

Проблема отцовства в социокультурном контексте была актуализирована в русле мужских исследований. Современные теории маскулинности в целом отрицают биологический детерминизм и биолого-эволюционный подход как основание для понимания мужской и женской идентичности. Эти исследования

акцентируют иерархический характер социально конструируемых маскулинностей и анализируют то, как гендерные практики, идеологии и социальные структуры определяют друг друга, а также те символические и материальные отношения, в которых формируется представление индивида о маскулинности [1].

Во-первых, в гендерных исследованиях маскулинность трактуется как особая социальная идентичность, которая существует исключительно в определенном социуме и изменяется вместе с ним. По словам антрополога Дэвида Гилмора [4], маскулинность — это символический сценарий, бесконечно вариативный и не всегда необходимый культурный конструкт. Такая постановка вопроса позволяет трактовать маскулинность не как единое и стабильное целое, а как подвижную и изменчивую множественность.

Во-вторых, современная характеристика гендерных исследований мужчин и маскулинностей состоит в том, что наиболее важными для анализа видятся отношения доминирования и подчинения. Такой тип доминантно-зависимых гендерных отношений находит отражение в модели гегемонной (традиционной) маскулинности, которая имеет статус культурной нормы. У разных исследователей можно встретить различные по формулировкам, но близкие по смыслу основания построения нормативной маскулинности.

Роберт Брэннон одним из первых сформулировал четыре основных компонента мужской роли, то есть социально предписанные условия состоявшейся маскулинности: 1) необходимость отличаться от женщин; 2) необходимость добиваться успеха и опережать других мужчин; 3) необходимость быть сильным, независимым и не показывать слабость; 4) необходимость обладать властью над другими [26].

Психолог Джозеф Плек показал, что в основе становления мужской идентичности лежит «идеология мужественности» — набор социальных норм, содержащих предписания и запреты относительно того, что мужчинам надо чувствовать и делать. Структура этих ролевых норм складывается из трех факторов: 1) нормы статуса — ожидания того, что мужчина завоевывает статус и уважение других; 2) нормы твердости (умственной твердости — ожидания компетентности, эмоциональной — ожидания того, что мужчины в состоянии разрешать свои эмоциональные трудности без помощи со стороны, физической — ожидания физической силы); 3) нормы антиженственности [29].

Майкл Киммель выделяет следующие основания построения гегемонной маскулинности: антиженственность (маскулинность как бегство от фемининного); гомосоциальность (маскулинность как гомосоциальный спектакль); гетеросексуальность (маскулинность как гомофобия) [9].

Жанна Чернова в своем исследовании репрезентации маскулинности в российских мужских журналах 1990-х годов пришла к выводу о том, что гегемонная маскулинность, характерная для буржуазного либерализма, становится эталоном и предписанием для «настоящих мужчин» современной России. Образ «настоящего мужчины» включает следующие черты: «высокий уровень профессионализма, автономия, соревновательность, материальная независимость», «гетеросексуальность, гомофобия и “двойной стандарт” в предписываемых себе и другим, находящимся на более низких уровнях социальной стратификации мужчинам, а также женщинам, нормам» (цит. по: [22, с. 169]).

Несмотря на некоторые различия в составляющих гегемонной маскулинности, выделяемых разными авторами, явно видно то общее, что объединяет эти описания. Набор данных характеристик конструирует образ «мачо», опирающийся на представления о «мужском природном естестве» [22].

Следование нормативу *гегемонной маскулинности* не способствует успешной адаптации мужчины в быстро меняющемся обществе. Завышенные социальные и личные притязания («мужчина должен быть всегда и всюду первым и главным») и установка на силовое решение конфликтов («настоящий мужчина всегда выступает с позиции силы») способствует формированию конфликтности и агрессивности, которые часто не соответствуют индивидуально-психологическим характеристикам и возможностям реального мужчины. Это особенно болезненно проявляется в кризисных ситуациях, которых в современном быстро меняющемся мире становится все больше. Чувство, что он не оправдывает возложенных на него надежд и ожиданий, порождает у мужчины синдром «несостоявшейся маскулинности» и может способствовать усилению депрессивных настроений, социальной апатии, склонности к суициду, выработке стратегии «выученной беспомощности» (отказ от активной борьбы с трудностями и использование своей беспомощности в качестве средства эксплуатации других) [13].

Комплекс переживаемых мужчинами негативных состояний, ориентированных на реализацию нормативной маскулинности, был определен как гендерно-ролевой конфликт [30].

В гендерных исследованиях осуществляется переход от традиционного образа мужчины к попыткам взглянуть на место и роль мужчины в обществе с другой стороны. В рамках гендерного подхода и конструктивистской парадигмы маскулинность рассматривается не как природная данность, а как социальный конструкт, связанный со специфической доминантной позицией в сфере гендерных отношений. Главное достижение этого подхода — деконструкция идеи единой, «твердой», универсальной маскулинности. Существует множество типов маскулинности, однако каждый из них представляет своего рода предписанный сценарий, от реализации которого зависят относительная социальная успешность индивида, его самооценка и восприятие окружающими [1].

Анализ негативных последствий следования нормативному канону маскулинности приводит к необходимости преобразования смысла традиционной маскулинности и идеологии мужской «крутизны» в направлении нивелирования наиболее уязвимых компонентов традиционной мужской идентичности.

Традиционная гендерная идентичность в современном быстро меняющемся обществе подвергается огромным испытаниям, при этом размываются гендерные нормы и роли. Многие мужчины испытывают сильный дискомфорт, соотнося свое реальное Я с традиционными нормами маскулинности, и понимают, что многие острейшие проблемы невозможно решить старыми патриархатными способами. Ситуация в современном обществе такова, что мужчины подталкиваются жизнью (хотя и сильно сопротивляются при этом) к использованию «женских» практик, пересматривают свое отношение к воспитанию детей, домашней и профессиональной работе [11].

Трансформации в сфере гендерных отношений, происходящие в последние десятилетия, способствуют формированию модели *новой маскулинности*, включающей черты модернизированной мужественности. Новая модель не такая четкая и конкретная, как традиционная модель маскулинности, в ней больше вариаций и индивидуального своеобразия. Главная отличительная черта этой новой модели заключается в том, что она в равной степени ориентирует мужчин на самореализацию в профессиональной и семейной сферах [2]. И. С. Кон подчеркивает: «“Настоящий мужчина” сегодня — не только “силовик”, но и ученый, инженер, художник, поэт-лирик и просто ласковый отец, а разные виды деятельности предполагают неодинаковые психологические свойства» [13, с. 14].

Исследований отечественных авторов, посвященных изучению составляющих новой эталонной модели маскулинности, пока немного (см., например: [10, 16, 17, 18]) тем не менее полученные в исследованиях данные свидетельствуют о том, что в нормативном эталоне маскулинности присутствуют фемининные черты. Изменения в новой модели маскулинности касаются и особенностей поведения мужчин в сфере семейных отношений: мужское доминирование и главенство уступают место эгалитарным тенденциям в поведении [2, 8, 14]. Особенно ярко это проявляется в сфере детско-родительских отношений. Если в рамках традиционной модели маскулинности в отношениях с детьми отец демонстрирует эмоциональную дистанцированность, невключенность в повседневные дела детей, властность, строгость и суровость в оценке их поступков и поведения, то *новый мужчина*, напротив, проявляет заботу о детях, устанавливает с ними доверительные и дружеские отношения, находится в постоянном контакте, чтобы понимать их проблемы и интересы и быть объективным, но доброжелательным в оценках их поступков [6, 8].

Модель новой маскулинности ориентирует современных мужчин на сохранение своей личностной индивидуальности и реализации себя в значимых социальных ролях. Реализация в рамках отцовской роли (особенно если речь идет о маленьких детях) — более доступная задача, чем самоутверждение в профессиональной сфере или гармонизация супружеских отношений, поэтому в сфере детско-родительских отношений наблюдаются и наиболее заметные изменения в мужском поведении.

Итак, использование гендерного подхода позволяет описать содержание нормативного канона маскулинности и показать те последствия для личностного развития, психологического здоровья и качества отношений мужчин с близкими людьми, к которым приводит жесткое следование этому эталону. Модель новой маскулинности, являющаяся альтернативой модели гегемонной мужественности, пока еще не находится в фокусе исследовательских интересов современных ученых и не проработана концептуально и эмпирически достаточно подробно. Она еще не утвердилась в публичном дискурсе, но стала основанием для построения новых моделей отцовства.

Гендерный анализ литературы по проблеме отцовства [3, 6, 14, 27, 28] позволяет соотнести особенности отцовского поведения с описанными моделями маскулинности. В процессе данного анализа акцент был сделан прежде всего на таких характеристиках поведения, как доминантность либо отсутствие до-

минирования в отношениях с детьми, эмоциональная сдержанность и холодность либо открытость и теплота в межличностных контактах, сходство либо различие практик отцовского и материнского поведения. В результате гендерного анализа был выделен ряд моделей ролевого поведения отцов.

Модели отцовского поведения в рамках традиционной модели маскулинности:

- *традиционный отец «старых времен»*, который заботится о своей семье как руководитель;
- *«отсутствующий отец»* (то есть отсутствующий прежде всего в психологическом плане, он может присутствовать физически, но почти не связан с отцовством).

Модели отцовского поведения в рамках новой модели маскулинности:

- *«ответственный отец»*, который активно включен в процесс ухода за детьми и их воспитания, однако вклад его в развитие детей меньше, чем у матери.
- *«новый отец»* как развивающийся тип мужчины (*new father*), который не только берет на себя ответственность за свою семью, но и делит поровну с супругой домашние обязанности и обязанности по уходу за детьми, их развитие и воспитанию.

Рассмотрим более детально выделенные модели отцовского поведения.

Традиционный отец. Традиционно гендерная роль отца, хотя и весьма различающаяся в разных культурах, сводится к следующим главным функциям: 1) обеспечение семьи/детей; 2) защита семьи/детей; 3) утверждение родительской власти как средства воспитания детей, приучение их к дисциплине, порядку, в случае необходимости — наказание детей [22, с. 198].

Традиционная «правильная» модель мужчины прежде всего связана с его работой и успехом как кормильца семьи: мужчина должен работать без усталости и усталости, делать карьеру, зарабатывать деньги, по возможности иметь успех и в семье. Но главное — кормить ее. Сознательно или подсознательно мужчины следуют данной модели, она руководит ими. При этом ограничиваются возможности освоения ими иных моделей ролевого поведения. Другой важный аспект традиционной роли отцовства — это руководящие функции в семье. «Традиционный» отец заботится о своей семье как руководитель, наставник, персонификатор власти. Такой отец всегда эмоционально сдержан, часто суров и строг. Традиционные отцы ни при каких условиях в своих занятиях или карьерных планах не идут на жертвы ради семьи. Традиционные модели отцовства сохраняются в нашем обществе, более того, они активно поддерживаются и насаждаются [25]. «Российские СМИ всячески подкрепляют традиционный стереотип властного отца» [14, с. 377].

Такая модель отцовства соответствует традиционной (гегемонной) модели маскулинности. Современным отцам сложно соответствовать данному образу, так как в большинстве семей мужчины уже не являются единственными кормильцами; защита детей от угроз современной цивилизации является задачей, значительно превышающей возможности отдельного человека; дистанцированный стиль взаимодействия с детьми не принимается ими и приводит к отчуждению и конфликтам в семье. Как правило, логическим продолжением

этой традиционной модели является «отсутствующий отец». Отцовство для таких мужчин означает лишь принадлежность к семье.

«Отсутствующий отец» — это отец, который практически не включен в повседневную жизнь своего ребенка (детей) либо утратил контакт с детьми вследствие развода; другими словами, отсутствующий отец — это мужчина, не имеющий психологического или физического контакта со своими детьми. Феномен отсутствующего отца наиболее широко был представлен в нашей стране в советское время. Гегемонная маскулинность обязывает мужчину быть первым везде и во всем, но соответствовать данному канону крайне тяжело. В советской России родительские права мужчин нарушались. Ж. Черновой в качестве причин дискриминации мужчин как родителей выделены следующие факторы: брачно-семейное законодательство; идеологическая и социальная поддержка родительства главным образом как материнства; государственная мобилизация мужчин, исключая их из сферы приватности; распространенность традиционных гендерных стереотипов, усугубленных гендерной политикой Советского государства. Государство рассматривало мужчину/мужа/отца в качестве проводника своей политики в семье и при этом значительно ограничивало возможности для самореализации мужчин в частной сфере, предоставляя им небольшой набор легитимных социальных ролей, главным образом связанных с «внешним», публичным миром. Сложившаяся практика нарушения прав отцовства наряду с невозможностью реализации мужчинами роли монопольного кормильца и доминированием женщин в приватной сфере явилась, по мнению исследователей, причиной кризиса маскулинности и отчуждения мужчин от отцовства [24].

По мнению М. Малышевой, гендерное неравенство в постсоветской семье даже увеличилось. Так, по данным московского обследования 1996 г. участие отца в воспитании детей, за вычетом дисциплинирования, которым занимается каждый четвертый отец, является не только факультативным, но нередко и символическим. По затратам времени отцовский вклад составляет от 8,5 % (помощь в приготовлении уроков) до 1,9 % (уход за больным ребенком) материнского вклада. Даже отвечая на вопрос, кто определяет, «что детям можно делать», решающую роль отцам отвели только 8,7 % жен и 8,2 % мужей [15, с. 269].

Эмпирические исследования, проведенные Т. А. Гурко [5, 6], свидетельствуют о том, что возникшая в советское время традиция отчужденного отцовства воспроизводится и в последующие десятилетия. Такое исполнение отцовской роли в наибольшей степени характерно для мужчин, работающих в старом секторе экономики и занятых трудом невысокой квалификации. Они не видят перспективы в передаче детям своих навыков и того, чему их учили родители, у них значительно снижен интерес к занятиям как с сыновьями, так и с дочерьми. Такие отцы, по свидетельству матерей, демонстрируют худшие образцы самоутверждения в своей маскулинности — авторитарность, агрессию, насилие, уход в алкоголизм. Основная стратегия общения с подростками в таких случаях — запреты и наказания вместо поощрения и демонстрации положительных видов деятельности [6, с.134].

Обусловленность реализуемой модели отцовского поведения традиционным канонам маскулинности подчеркивается и И. С. Коном: «Физическое от-

сутствие отца в патриархальной семье, его отстраненность от ухода за детьми — не только следствие его внесемейных обязанностей или его нежелания заниматься подобными делами, но и средство создания социальной дистанции между ним и детьми ради поддержания отцовской власти» [14, с. 315].

«Ответственный отец». Ответственное отцовство — это составная часть явления «ответственное родительство», которое формируется на основе принятия новой парадигмы маскулинности. «Ответственный и заботливый отец — одна из главных ипостасей “нового мужчины”» [14, с. 361]. Основными показателями такого отцовства являются: эмоциональная близость с детьми; вовлеченность в непосредственный уход, общение и игры с ребенком; забота о детях; ответственность за их физическое и личностное развитие.

Определенная группа мужчин, принадлежащих к успешным и активным социальным слоям, достигнув определенного уровня личного — материального и духовного — развития, начинает менять свое отношение к семейной жизни и проявляет активный интерес к воспитанию детей [20]. Они становятся равноправными участниками процесса подготовки к рождению ребенка — во многом нового аспекта семейных отношений и поведения будущих отцов. Самим отцам становится важно и интересно находиться в «информационном пространстве» процесса беременности. Будущие отцы помогают женам готовиться к родам, присутствуют при рождении детей, что, по мнению специалистов, формирует их эмоциональную связь с ними, осуществляют повседневный уход за маленькими детьми [6]. Отцы вместе с матерями ухаживают за маленькими детьми и активно включены в воспитание и развитие как сыновей, так и дочерей.

По данным Дж. Плека, дети активно вовлеченных отцов отличаются повышенной когнитивной компетентностью, повышенной эмпатией, менее стереотипными взглядами и более интернальным локусом контроля [31]. У детей заботливых отцов больше шансов на эмоциональное благополучие, они увереннее осваиваются в окружающем мире, а когда подрастают — имеют лучшие отношения со сверстниками [14].

Содержание отцовского поведения весьма похоже на материнское поведение, однако вклад отца в развитие и воспитание ребенка в целом меньше материнского вклада. Такие отцы пока не готовы отложить свои профессиональные дела и остаться дома на время болезни ребенка, оформив больничный лист; они также не готовы прервать свою карьеру, чтобы какое-то время вместо матери осуществлять уход за маленьким ребенком.

В случае развода такие отцы не прерывают контактов с детьми и сохраняют с ними психологическую связь.

«Новый отец» — наименее распространенный тип поведения по сравнению с предыдущими моделями, в большей мере характерный для западной, чем для отечественной культуры [28, 32, 33]. Всевозможные меры социальной политики, ориентированные на «активизацию» отцовства, активное конструирование образа «нового» — любящего, заботливого — отца способствовало увеличению участия мужчин в новых для них сферах родительского поведения [25]. Отличительной особенностью поведения «новых» отцов является реализация принципа эгалитарности во всех аспектах родительской роли. Такие от-

цы осуществляют постоянный контакт со своими детьми, они включены в их дела и проблемы, проводят с детьми много времени, играют с ними и помогают в учебе. Особенно заметен их вклад в воспитание детей до трех лет; если у традиционных отцов этот вклад ничтожен, то у «новых» отцов он примерно равен материнскому вкладу.

Главная отличительная особенность такой модели отцовского поведения заключается в том, что отец признает, что домашняя работа может быть альтернативой заработка, поэтому в определенные периоды жизни семьи он готов оставить свою профессиональную деятельность и быть так называемым домашним отцом, поскольку «тепло, заботливость и близость одинаково благотворны для ребенка, независимо от того, практикует ли их отец или мать» [14, с. 402]. В случае нарушения супружеских отношений и развода таким отцом осуществляется опека над детьми совместно с матерью. Мужчины этого типа сумели преодолеть представления о том, что активное и вовлеченное в жизнь детей отцовство несовместимо с маскулинностью.

«Новое отцовство» становится для мужчин одним из путей эмансипации, освобождения от зачастую навязанных социальных ролей. К тому же оно позволяет и внутренне изменить себя, преодолевая внешние барьеры социальных стереотипов [20].

Принятие новой модели маскулинности позволяет более продуктивно решать вопросы влияния на детей, лучше справляться с кризисными проявлениями в структуре мужской идентичности и способствует личностной самореализации мужчин.

Библиографический список

1. Берд Ш. Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках // *Наслаждение быть мужчиной: западные теории маскулинности и постсоветские практики* / под ред. Ш. Берд и С. Жеребкина. СПб. : Алетей, 2008. С. 7—37.
2. Берн Ш. *Гендерная психология*. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.
3. Борисенко Ю. В., Портнова А. Г. Проблема отцовства в современном обществе // *Вопр. психологии*. 2006. № 3. С. 122—130.
4. Гилмор Д. *Становление мужественности : культурные концепты маскулинности* : пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2005. 264 с.
5. Гурко Т. А. *Родительство: социологические аспекты*. М. : Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 160 с.
6. Гурко Т. А. *Брак и родительство в России*. М. : Ин-т социологии РАН, 2008. 325 с.
7. Здравомыслова О. М. *Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации*. М. : Едиториал УРСС, 2003. 152 с.
8. Киммель М. *Гендерное общество* : пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2006. 464 с.
9. Киммель М. *Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности* // *Наслаждение быть мужчиной: западные теории маскулинности и постсоветские практики* / под ред. Ш. Берд и С. Жеребкина. СПб. : Алетей, 2008. С. 38—57.
10. Клецина И. С. *Влияние маскулинных и фемининных характеристик на самоотношение мужчин и женщин* // *Конструирование маскулинности на Западе и в России* : межвуз. сб. науч.-метод. материалов. Иваново, 2006. С. 83—99.

11. *Козлова Н. Н.* Гендер и вхождение в модерн // *Обществ. науки и современность.* 1999. № 3. С. 164—174.
12. *Кон И. С.* Мужская роль и гендерный порядок // *Вестн. обществ. мнения.* 2008. № 2 (94). С. 37—43.
13. *Кон И. С.* Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не) здоровья // *Социология: теория, методы, маркетинг : науч.-теорет. журн.* 2008. № 4. С. 5—16.
14. *Кон И. С.* Мужчина в меняющемся мире. М. : *Время*, 2009. 496 с.
15. *Мальшева М.* Современный патриархат : социально-экономическое эссе. М., 2001.
16. *Мальшева Н. Г.* Гендерные стереотипы в молодежных средствах массовой коммуникации : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.
17. *О муже(Н)ственности : сб. ст. / сост. С. Ушакин.* М. : Новое литературное обозрение, 2002. 720 с.
18. *Радина Н. К.* Изучение гендерной идентичности при помощи качественных методов: фокус-группа // *Гендерная психология : практикум.* 2-е изд. / под ред. И. С. Клециной. СПб. : *Питер*, 2009. С. 264—282.
19. *Реброва Н. П.* Взаимосвязь биологических и психологических характеристик личности: гендерный аспект // *Там же.* С. 48—73.
20. *Смирнов Д. А.* Современный российский мужчина в семье и о семье: стиль «молодого отца» в массовом сознании и поведении россиян // *Конструирование маскулинности на Западе и в России : межвуз. сб. науч.-метод. материалов.* Иваново, 2006. С. 58—79.
21. *Смит Н.* Современные системы психологии : пер. с англ. / под общ. ред. А. А. Алексеева. СПб. : *Прайм-ЕВРОЗНАК*, 2003. 384 с.
22. *Тартаковская И. Н.* Гендерная социология. М. : ООО «Вариант», 2005. 368 с.
23. *Темкина А. А., Роткирх А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в советской России // *Социол. исслед.* 2002. № 11. С. 4—15.
24. *Чернова Ж.* Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // *Российский гендерный порядок: социологический подход : коллект. монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной.* СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 138—168.
25. *Шведова Н. А.* Гендерное равенство и устойчивое развитие: новые тенденции // *Женщина в Российском обществе : рос. науч. журн.* 2006. № 4. С. 3—21.
26. *Brannon R. C.* No «Sissy Staff»: The Stigma of Anything Vaguely Feminine // ed. by D. David, R. Brannon. *The Forty-Nine Percent Majority: The Male Sex Role.* Reading, Mass. : Addison-Wesley, 1976.
27. *Connell R. W.* *Masculinities.* Berkeley, CA: University of California Press, 1995.
28. *Johansson T., Klinth R.* Caring Fathers. The Ideology of Gender Equality and Masculine Positions // *Men and Masculinities.* 2008. Vol. 11, № 1. P. 42—62.
29. *Pleck J. H.* *The Myth of Masculinity.* Cambridge, 1981.
30. *Pleck J. H.* Paternal Involvement: Levels, sources, and consequences // *Role of the Father in Child Development.* 3rd ed. / ed. by M. E. Lamb. New York, 1995. P. 581—592.
31. *Pleck J. H.* The Gender Role Strain Paradigm: An Update // *A New Psychology of Men / ed. by R. F. Levant, W. S. Pollack.* New York: John Wiley & Sons, Inc., 1997. P. 66—103.
32. *Shows C., Gerstel N.* Fathering, Class, and Gender: A Comparison of Physicians and Emergency Medical Technicians // *Gender & Society.* 2009. Vol. 23, № 2. P. 161—187.
33. *Wall G., Arnold S.* How Involved is Involved Fathering? An Exploration of the Contemporary Culture of Fatherhood // *Gender & Society.* 2007. Vol. 21, № 4. P. 508—527.